ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОБРАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ

ВЫПУСКЪ XIII-ЫЙ

Изданіе Д. Я. Маковскаго.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова — Москва.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОБРАЗАХЪ и КАРТИНАХЪ.

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ:

художники И. А. Владиміровъ, А. М. Герасимовъ, М. В. Добужинскій, С. И. Дмитріевъ, Н. И. Кравченко, акад. Е. Е. Лансере, Г. К. Лукомскій, А. В. Ложкинъ, В. В. Мазуровскій, акад. К. Е. Маковскій (†), акад. С. В. Ноаковскій, акад. М. В. Рундальцевъ, Ю. И. Рѣпинъ, акад. Н. С. Самокишъ, Н. И. Струнниковъ и др.

ВЪ ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ:

Н. А. Бердяевъ, И. Н. Бороздинъ, проф. С. Н. Булгаковъ, ген.-майоръ П. Д. Бурскій, проф. В. А. Бутенко, В. А. Гиляровскій, проф. І. М. Гольдштейнъ, сенаторъ С. М. Горяиновъ, П. Д. Долгоруковъ, Вячеславъ Ивановъ, проф. М. М. Ковалевскій (†), проф. Н. П. Коломійцовъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, В. М. Лобановъ Я. Д. Маковскій, проф. А. Л. Погодинъ, акад. Н. К. Рерихъ, проф. Е. В Тарле, гр. А. Н. Толстой, проф. Евг. Н. Трубецкой, Н. В. Устряловъ, В. Ф. Эрнъ (†), проф. Н. В. Ястребовъ и др.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.

МОСКВА.—1917 г.

Т-во
типографіи
А. И. Мамонтова
Москва

Русская революція... Около столѣтія лучшіе русскіе люди мечтали объ этомъ, шли ради этого на висѣлицы, въ тюрьмы, въ холодныя тундры Сибири; для многихъ это казалось даже несбыточной мечтой.

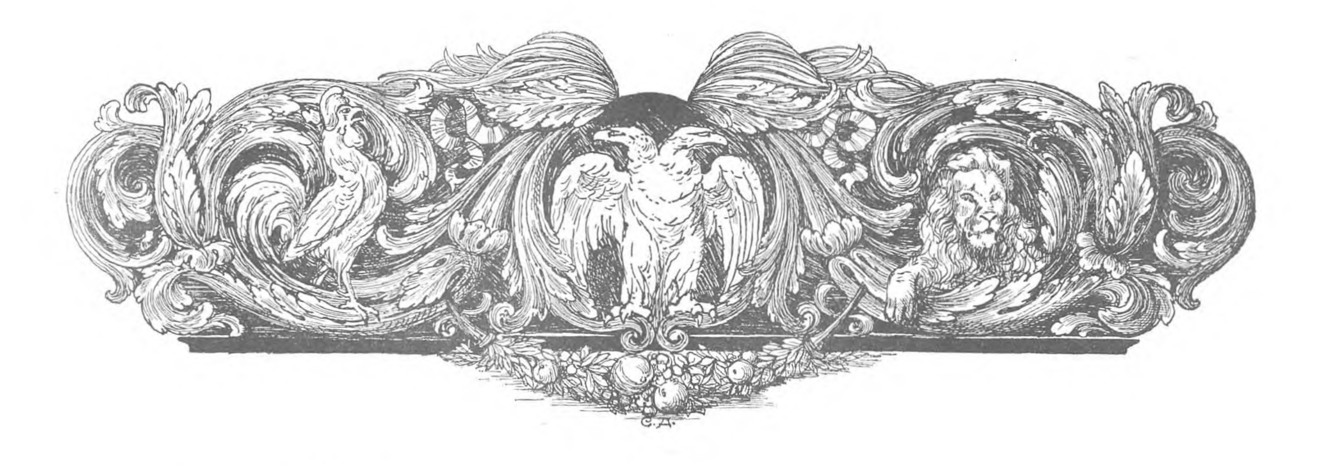
Это желанное и несбыточное нынѣ совершилось.

Революціонный народъ рука объ руку съ революціонной арміей мощнымъ ударомъ въ нѣсколько дней смели, уничтожили тотъ позорный старый режимъ, который, какъ невыносимый гнетъ, какъ оскорбленіе, тяготѣлъ надъ великимъ народомъ.

Русская деспотія, которой стыдились наши союзники, которую, какъ страшилище, выставляли наши враги, рухнула, и въ Европѣ родилась новая демократическая республика, родилась въ раскатахъ военной грозы, уже три года бушующей надъ міромъ.

Очередной (13-ый) выпускъ „Великой Войны въ образахъ и картинахъ" уже былъ готовъ къ печати, когда пришла эта радостная вѣсть объ освобожденіи родины, о сверженіи „романовщины", триста лѣтъ расшатывавшей государственный организмъ Россіи.

При такихъ условіяхъ редакція была лишена возможности въ этомъ же выпускѣ полно откликнуться на великое событіе. Поэтому было рѣшено революціоннымъ событіямъ посвятить весь слѣдующій (14-ый) выпускъ второго тома. Въ третьемъ же томѣ „Великой Войны въ образахъ и картинахъ" (выпуски 15—20), на ряду съ отраженіями событій на поляхъ битвъ, будетъ широко и полно освѣщаться въ рисункахъ и статьяхъ строительство новой свободной Россіи, возрожденной на развалинахъ рухнувшаго, изжившаго себя рабства.

О любви къ Россіи.

Статья Н. А. Бердяева.

I.

Любовь къ родинѣ—такое непосредственное и элементарное чувство, что къ нему казалось бы, не нужно призывать, нужно его лишь просвѣтлять и осмысливать. Но у насъ въ Россіи это—цѣлая проблема, вовсе не такая ужъ элементарная, у насъ возможны даже споры на эту тему. Вопросъ о любви къ Россіи, о непосредственномъ инстинктѣ, влекущемъ къ защитѣ родины и къ служенію ей, вызываетъ борьбу разныхъ направленій и ученій. Нынѣшняя война обнаружила болѣзненную раздвоенность нашего національнаго сознанія. Для русскаго человѣка очень характерно, что ему непремѣнно нужно оправдать и обосновать свою любовь къ Россіи, при чемъ оправданія могутъ быть самыя противоположныя. Слишкомъ трудно у насъ встрѣтить первичный инстинктъ и первичное сознаніе, въ силу которыхъ каждому русскому естественно хочется отдать свои силы Россіи, ея безопасности, ея единству, ея величію. У насъ какъ будто бы нѣтъ того утвержденія національной воли въ изначальной ея произвольности, безъ которой не можетъ быть и никакого національнаго сознанія, никакихъ національныхъ задачъ, достигающихъ мірового значенія. Споры о національномъ сознаніи и національномъ вопросѣ обнаруживаютъ болѣзненность нашего національнаго самочувствія. Ненормально уже то, что отношеніе къ родинѣ дѣлается предметомъ борьбы политическихъ партій и государственныхъ идеалогій, что моментъ національный ставится въ столь подчиненное положеніе у момента государственно-политическаго. Что у насъ есть „пораженцы" справа и „пораженцы" слѣва, это явленіе съ трудомъ понятно французу, англичанину или нѣмцу. Съ трудомъ понятно то извращеніе національнаго чувства, которое допускаетъ защиту своего отечества лишь на извѣстныхъ условіяхъ, лишь на условіяхъ подчиненія національности извѣстному государственному или соціальному началу и требуетъ гарантій, что защита родины непремѣнно приведетъ къ торжеству желанныхъ началъ. Какъ будто возможенъ торгъ въ нашемъ отношеніи къ родинѣ въ моментъ опасности! Одни любятъ не Россію, а старый государственный строй, милый ихъ сердцу, другіе любятъ не Россію, а желанный имъ новый соціальный строй; однимъ близки интересы дворянъ или бюрократій, другимъ — интересы рабочихъ или крестьянъ.

Но есть еще Россія, какъ нѣкая цѣлость и индивидуальность Россія, живой организмъ въ мірѣ, имѣющій свою единственную судьбу. Россія глубже, шире и длительнѣе тѣхъ или иныхъ государственныхъ формъ, тѣхъ или иныхъ соціальныхъ группъ. У нея есть своя живая, индивидуальная, ни на что въ мірѣ не похожая душа. И вотъ душа эта страдаетъ и обливается кровью отъ торга изъ-за нея, отъ недостатка непосредственной любви къ ней въ трудную минуту ея историческаго странствованія. Въ борьбѣ страстей, въ борьбѣ интересовъ и идей слишкомъ часто забываютъ о Россіи. Для слишкомъ многихъ Россію подмѣняетъ то или иное частное начало, групповое, партійное или отвлеченно-идейное. Всякій великій народъ долженъ имѣть свою идею, ко-

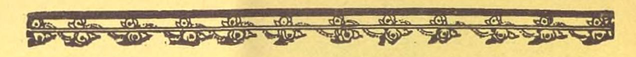
торую онъ несетъ въ міръ, свое призваніе. Онъ долженъ не только существовать, но существовать осмысленно и достойно. Это такъ же безспорно, какъ безспорно то, что всякая индивидуальность въ мірѣ должна осмыслить свое существованіе, когда она выходитъ изъ состоянія стихійно-животнаго. Каждая національность, какъ и каждая индивидуальность, имѣетъ свою идею и она должна быть разгадана на вершинѣ національнаго самосознанія. Эта идея есть призваніе, безъ котораго невозможно достойное существованіе. И я вѣрю, что у Россіи есть своя великая идея и великое призваніе. Каждый русскій призванъ свободно выявлять эту идею и выполнять это призваніе. Но существуетъ также идея, что всякая національность, какъ и всякая индивидуальность, имѣетъ самостоятельную цѣнность, что она должна существовать, раскрывать себя, достигать максимума выраженія своихъ силъ и цвѣтенія. Существуетъ не только идея о національности, но сама по себѣ національность есть идея, есть самоцѣнность. Поэтому не любовь къ отечеству должна быть оправдана какой-либо идеей, идея любви къ отечеству должна быть признана, какъ великая цѣнность. Служеніе же идеѣ, составляющей призваніе нашего отечества, есть нашъ долгъ передъ отечествомъ, есть выявленіе его духовной мощи въ мірѣ. А это значитъ, что любовь къ Россіи самоцѣнна, изначальна, первична, что она не требуетъ оправданій и обоснованій.

II.

Нельзя любить Россію потому лишь, что она должна быть носительницей какихъ-либо византійскихъ государственныхъ началъ, какъ нельзя любить ее потому лишь, что она должна быть носительницей какихъ-либо соціалистическихъ идеаловъ. Тогда любовь направлена не на Россію, какъ на живую реальность, а на отвлеченное государственное начало или отвлеченный соціальный идеалъ. Любить Россію нужно такъ же произвольно, такъ же ни за что, какъ произвольно и ни за что любятъ всякій индивидуальный образъ въ мірѣ, какъ любятъ избранницу сердца. Когда лицо избранника или избранницы сердца покрывается сыпью, истинная любовь отъ этого не колеблется. Нельзя любить Россію лишь за ея качества и за ея достиженія, нельзя любить на условіяхъ и съ торгомъ. Само достиженіе высшей жизни для Россіи, само повышеніе качествъ ея существованія возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ любить ее до этихъ достиженій и до этихъ качествъ. Отъ активной и отвѣтственной любви переродится Россія, родится новая Россія. Полюбить качества можетъ и всякій чужой и далекій человѣкъ, качества всякому пріятны и милы. Мы же должны любить свою Россію и въ униженіи, и въ слабости, и въ паденіи и никогда не можемъ покинуть ее и измѣнить ей. Каждый русскій долженъ раздѣлить судьбу Россіи, почувствовать ее въ глубинѣ своей и себя въ глубинѣ ея. Русскій не можетъ ни на одну секунду ощутить Россію какъ находящуюся внѣ его, ему внѣположную и противоположную. Россія, это—я и судьба ея—моя судьба. Такъ долженъ сказать себѣ всякій русскій. Я беру на себя отвѣтственность за ея судьбу. Я отвѣтственъ за ея грѣхи и пороки. И глубина Россіи, на которой основана моя вѣра въ нее, есть раскрывающаяся во мнѣ глубина. Русская государственность—моя государственность, она глубже тѣхъ или иныхъ государственныхъ формъ, тѣхъ или иныхъ правительствъ. Самая радикальная опозиція конкретной власти можетъ быть и должна быть направлена не противъ самой русской государственности, а на укрѣпленіе ея. Всякое внѣшнее отношеніе къ Россіи и всякій торгъ съ ней есть рабье, не свободное и не гражданское къ ней отношеніе. Истинное отношеніе къ Россіи можетъ быть основано лишь на томъ, чтобы какъ можно больше ей давать, а не на томъ, чтобы какъ можно больше отъ нея требовать. Требуютъ отъ Россіи чужіе и далекіе, ихъ отношеніе къ Россіи всегда построено на условіяхъ и договорахъ. Мы же не можемъ и не должны имъ уподобляться. Въ самый трудный часъ своего историческаго существованія Россія ждетъ отъ насъ дѣятельной любви, сознательнаго патріотизма. Сознательный патріотизмъ есть показатель гражданской зрѣлости. И въ эту войну наше отношеніе къ родинѣ есть экзаменъ нашей зрѣлости. Если мы будемъ въ этотъ часъ много требовать отъ нашей родины и мало давать ей, если наша любовь къ Россіи будетъ колебаться оттого, что судьба ея потребуетъ слишкомъ большихъ испытаній въ нашей личной судьбѣ, то это будетъ показатель нашей незрѣлости, нашего граждански-младенческаго состоянія. Всѣ силы нашего сознанія должны быть направлены на защиту Россіи. Это—лозунгъ національно-государственный и прогрессивно-освободительный. Творческую роль въ дальнѣйшей судьбѣ Россіи сыграютъ лишь тѣ силы, для которыхъ Россія дороже тѣхъ или иныхъ государственныхъ началъ, партій или классовъ. Государственныя формы должны быть подчинены національности, ея жизненнымъ потребностямъ и интересамъ, а не превращать національность въ свое орудіе, не подавлять національное бытіе. Это—элементарное требованіе живого и непосредственнаго патріотизма. Тотъ не патріотъ, кто любитъ какое-нибудь государственное начало больше Россіи, кто перестаетъ любить свою родину, если она стремится къ инымъ государственнымъ началамъ.

III.

Ошибочно было бы думать, что русскіе совсѣмъ не любятъ свою Россію. По-своему они ее очень любятъ и не представляютъ себѣ возможности иной жизни, чѣмъ жизнь русская

и въ Россіи. И русскій космополитъ остается глубоко русскимъ, хотя его національное сознаніе находится въ болѣзненномъ состояніи. Но много страннаго есть въ любви русскаго человѣка къ Россіи, недостаточно отвѣтственнаго и сознательнаго, много непонятнаго человѣку западному. Западный человѣкъ, нѣмецъ, французъ, англичанинъ, думаетъ, что онъ долженъ спасать свою родину, что онъ отвѣтственъ за ея судьбу. Русскій же человѣкъ думаетъ, что родина должна его спасти. Онъ чувствуетъ себя защищеннымъ огромной матушкой Россіей, необъятной землей своей, широкой и глубокой. Русскому человѣку не страшно, когда онъ припадаетъ къ землѣ своей. И очень трудно довести русскаго человѣка до того сознанія, что родина его находится въ опасности, что необходимо великое напряженіе для ея защиты. Западный человѣкъ чувствуетъ себя, какъ въ мышеловкѣ, стиснутымъ со всѣхъ сторонъ. Русскій человѣкъ всегда чувствуетъ за собой необъятность своей земли. Огромныя пространства Россіи — это не только матеріальное ея измѣреніе, это также и измѣреніе русской души, это — духовный складъ Россіи. На Западѣ во всемъ чувствуется интенсивность, вызванная малыми пространствами матеріальными и духовными, сдавленностью и ограниченностью. У насъ во всемъ чувствуется экстенсивность, вызванная огромными пространствами матеріальными и духовными, русской ширью. Про русскаго человѣка можно сказать, что онъ задавленъ русской ширью, что онъ все еще не можетъ съ ней справиться. И въ любви его къ родинѣ нѣтъ этой интенсивности, активности, напряженности, вызываемой узостью. Задачи, поставленныя необъятной ширью, труднѣе задачъ, поставленныхъ узостью, повсюду натыкающейся на границы. Русскій человѣкъ расплывается въ необъятности. Въ любви его къ Россіи нѣтъ напряженной подтянутости, нѣтъ граждански-мужественной отвѣтственности. Вотъ почему со стороны можетъ показаться, что у русскихъ совсѣмъ нѣтъ патріотизма, что у нихъ равнодушное и апатичное отношеніе къ родинѣ. Любовь къ родинѣ у насъ есть погруженіе и раствореніе въ стихійности русской земли, приниканіе къ ней. Это раствореніе и приниканіе есть и у тѣхъ русскихъ, которые кажутся оторвавшимися отъ родной земли. И мы стоимъ передъ задачей претворить всю эту стихійную и полусознательную любовь къ родинѣ въ активное сознательное и отвѣтственное состояніе. Выработка сознательнаго, зрячаго и активно-отвѣтственнаго патріотизма — величайшая задача нашихъ дней. До сихъ поръ царили или обывательская безсознательность или интеллигентское доктринерство. Нынѣ долженъ наступить періодъ сознательнаго патріотизма. Въ дни испытаній великой войны такого рода мобилизація нашего національнаго духа имѣетъ рѣшающее значеніе. Но значеніе сознательнаго патріотизма выходитъ за предѣлы войны и распространяется на всю нашу историческую судьбу. Пробужденіе активной любви къ родинѣ превыше всѣхъ доктринальныхъ государственно-общественныхъ началъ должно стать предметомъ повсемѣстной проповѣди. Никакое строительство новой жизни для Россіи не возможно, если оно не будетъ вытекать изъ горячаго источника любви къ ней, предшествующаго всему. Лишь на почвѣ этой любви возможно сознательное государственно-общественное строительство, безъ этого всегда отвлеченное и доктринерское. И одно изъ значеній нынѣшней войны нужно видѣть въ томъ, что, пробуждая стихійную любовь къ родинѣ, она оздоровляетъ источники всякаго общественнаго и государственнаго строительства. Самоцѣнная и самооправданная любовь къ Россіи не только спасетъ Россію въ нынѣшній грозный для насъ часъ, но и опредѣлитъ все ея дальнѣйшее свободное и достойное существованіе.

Николай Бердяевъ

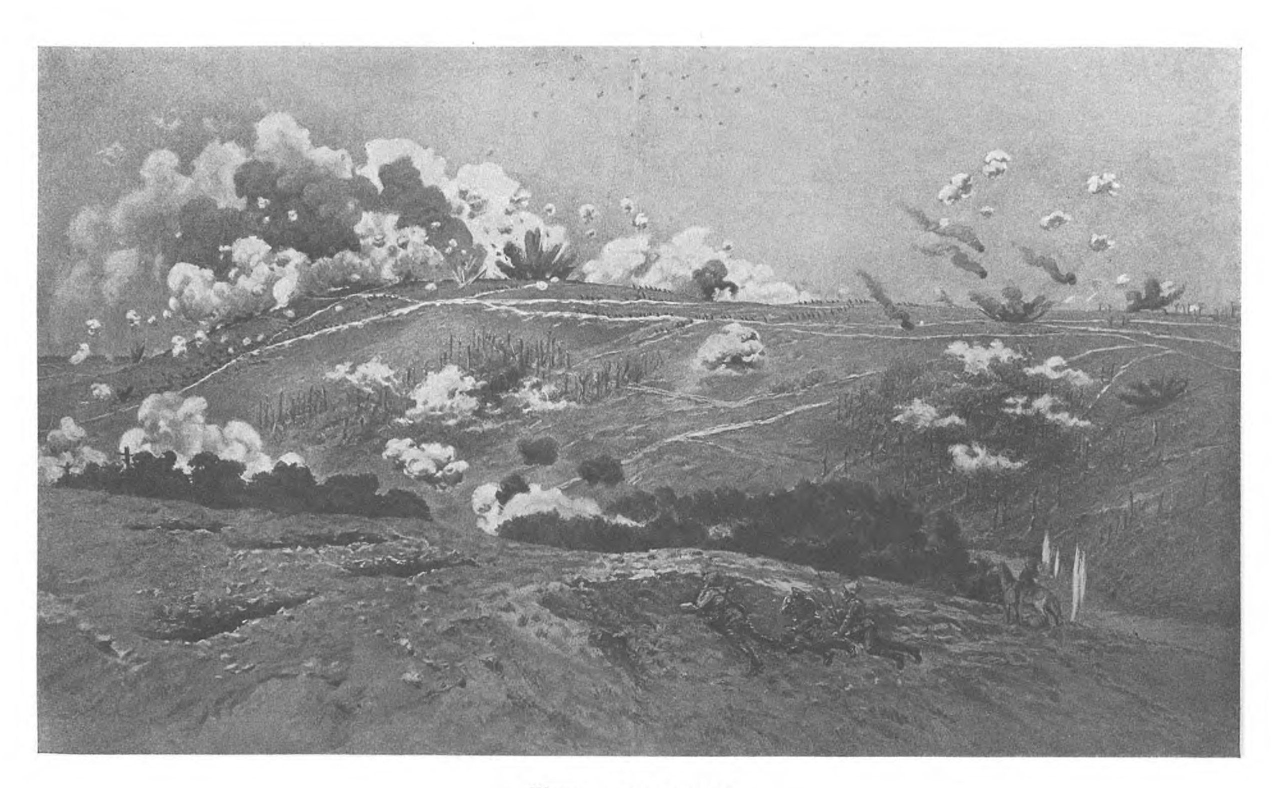

Сдаюсь!

…Война въ образахъ и картинахъ".
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.

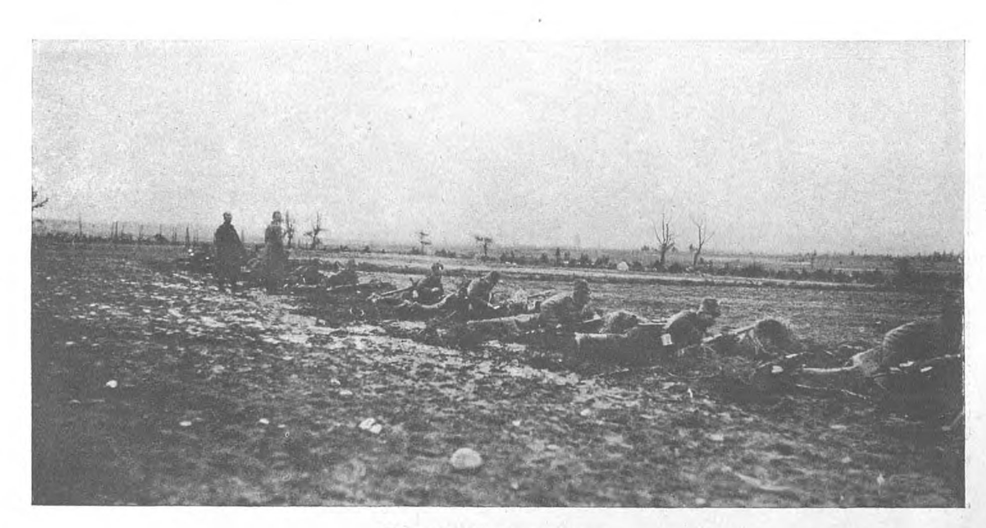
Т-ва ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Нѣмцы начали наступать.

Окопы.

Поджидаютъ непріятеля.

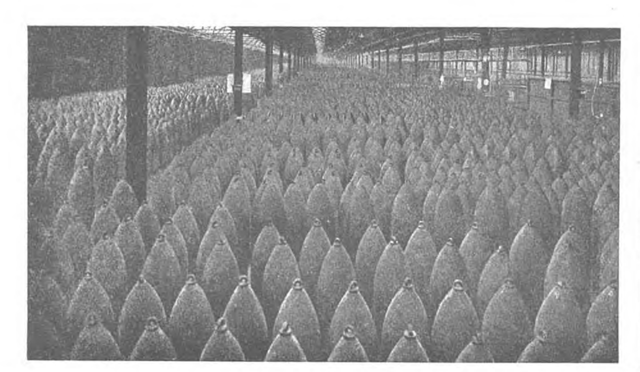
На Русскомъ фронтѣ.

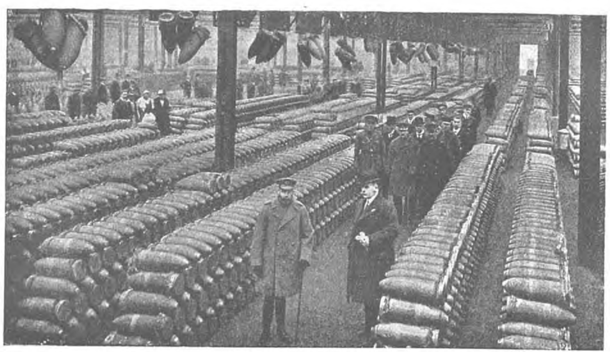

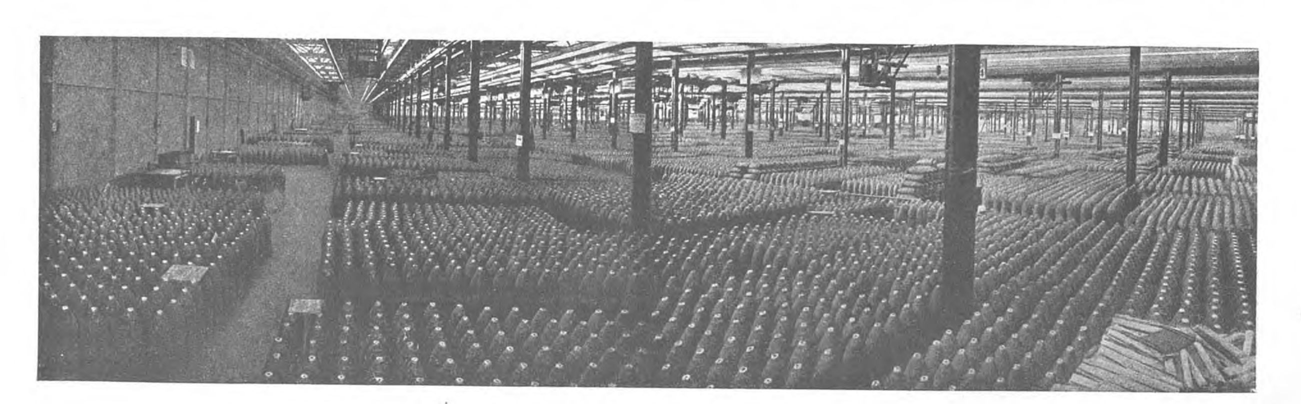
Охрана желѣзнодорожнаго пути.

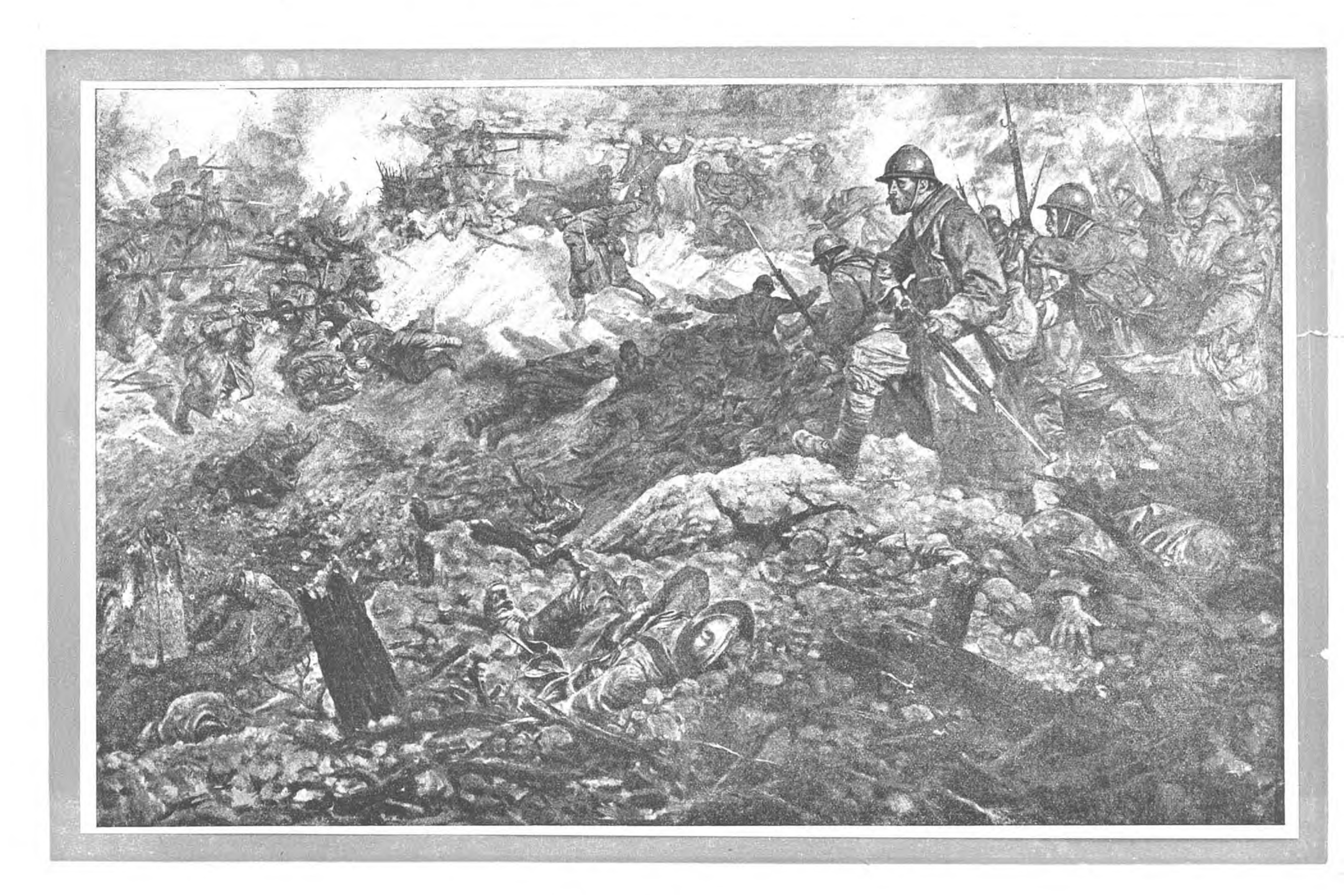
Передъ атакой.

Запасы снарядовъ на одной изъ англійскихъ фабрикъ.

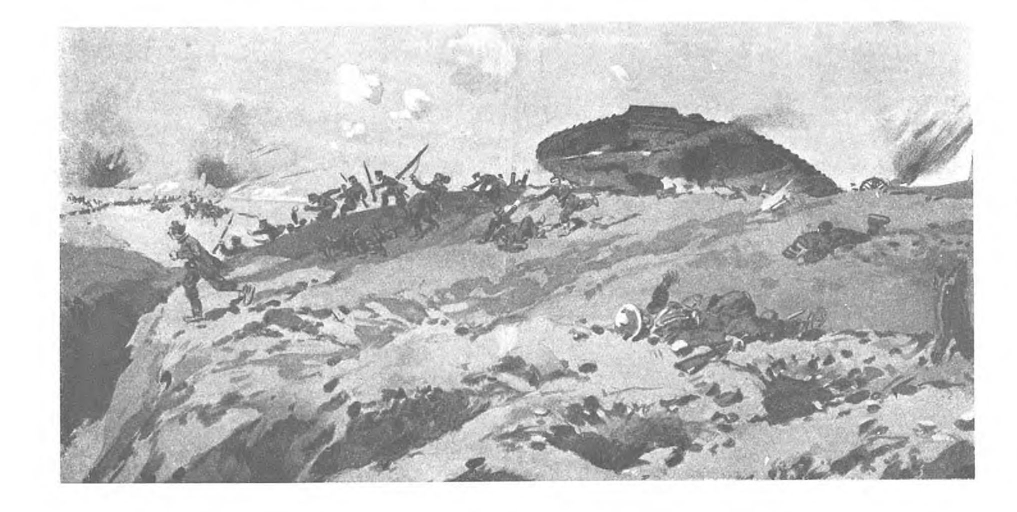

Борьба за „воронку“.

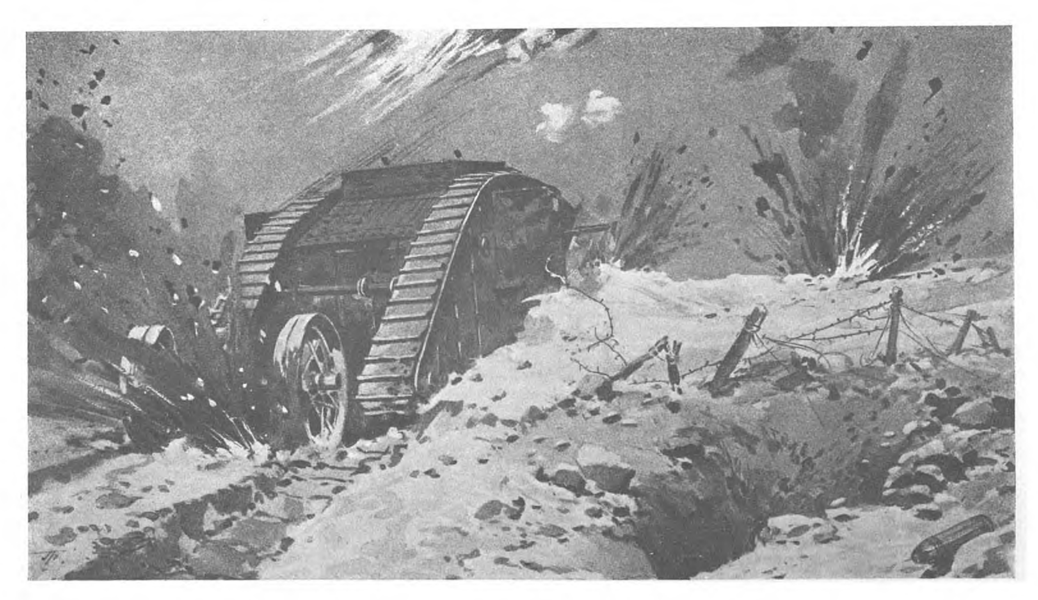
„Великая Война въ образахъ и картинахъ“
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА. Москва.

Англійскіе бронированные автомобили — „танки“.

Бѣгство нѣмецкой пѣхоты при видѣ „танки“.

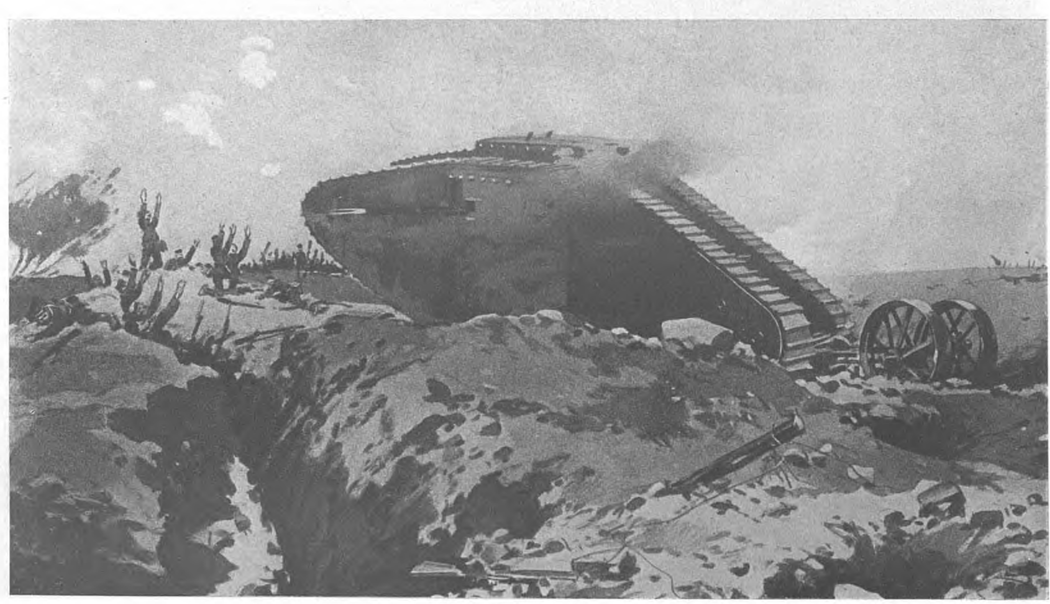

„Танка“ во время хода.

Англійскіе бронированные автомобили—„танки“.

Атака „танковъ“ на Соммѣ.

„Танка“ передъ нѣмецкимъ окопомъ.

Англійскіе бронированные автомобили—„танки“.

„Танка“ на полѣ, взрытомъ снарядами.

„Танка“ во время движенія.

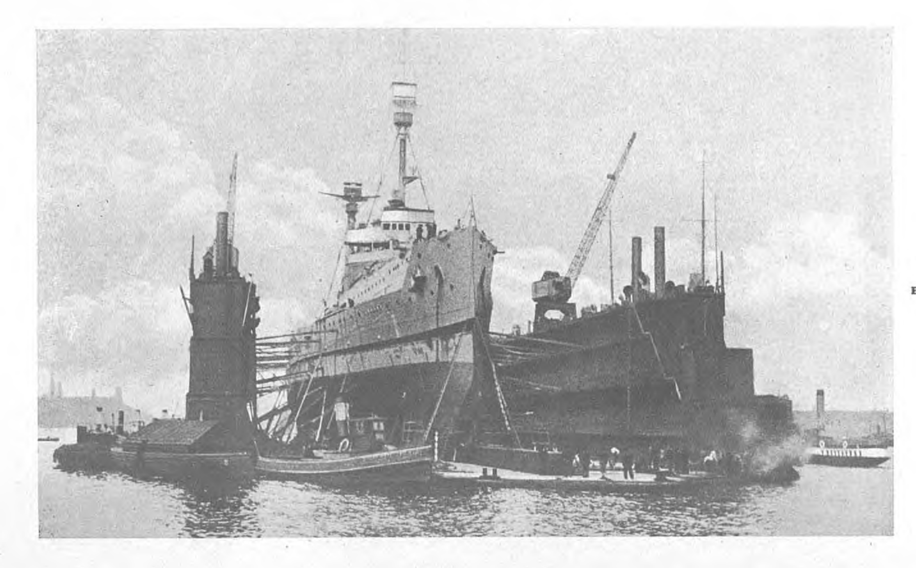
„Танка“, поддерживающая атаку нѣмецкихъ позицій англійской пѣхотой.

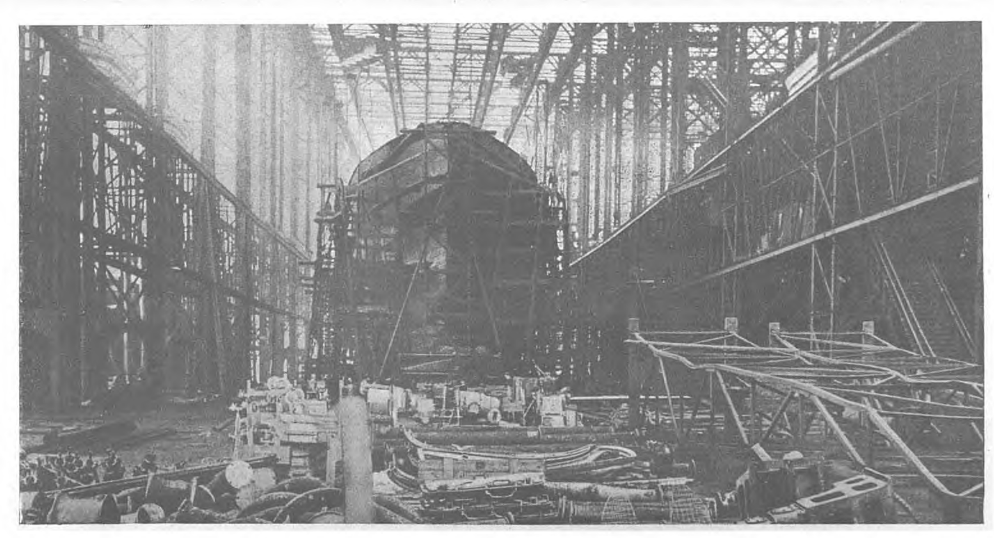
Развѣдка.

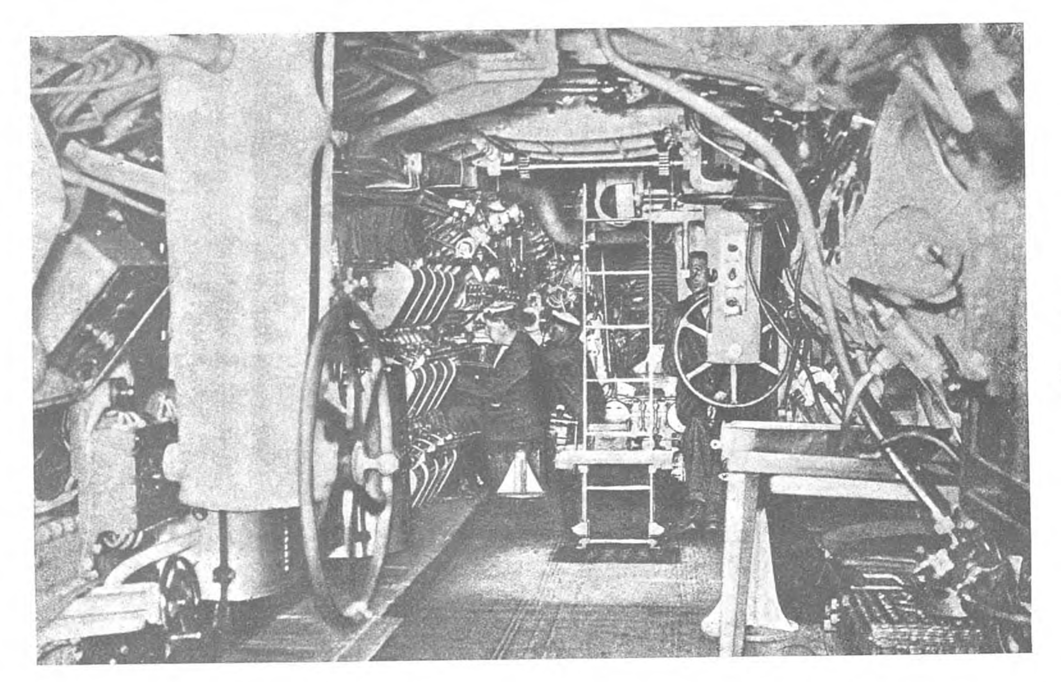
Нѣмецъ летитъ!

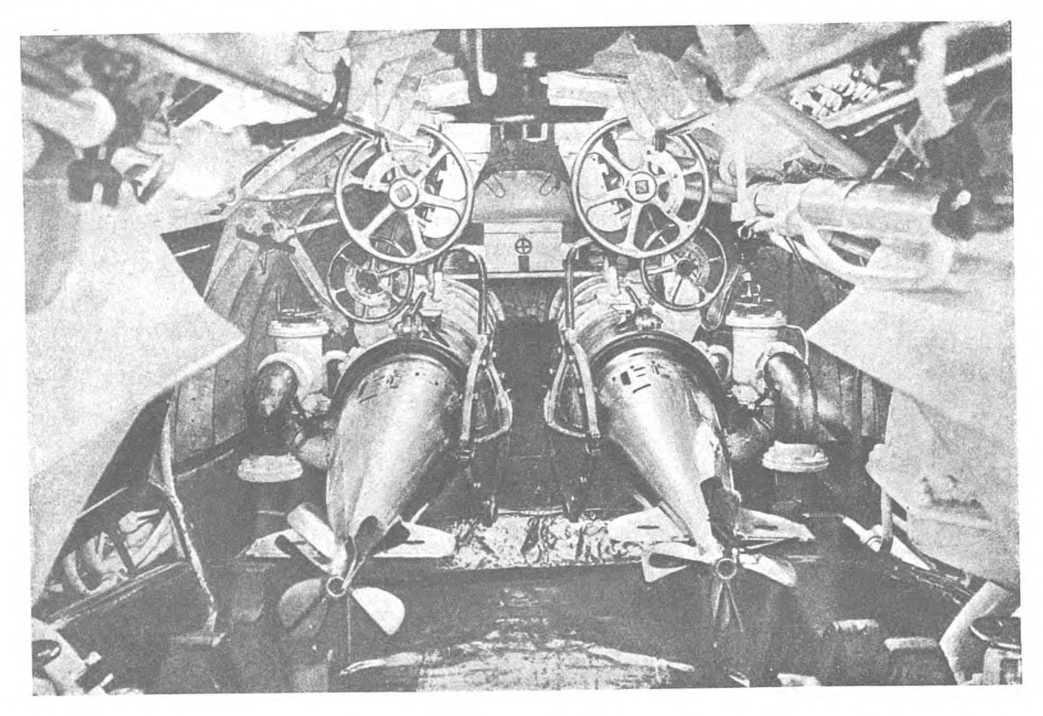
Военный корабль въ пловучемъ докѣ.

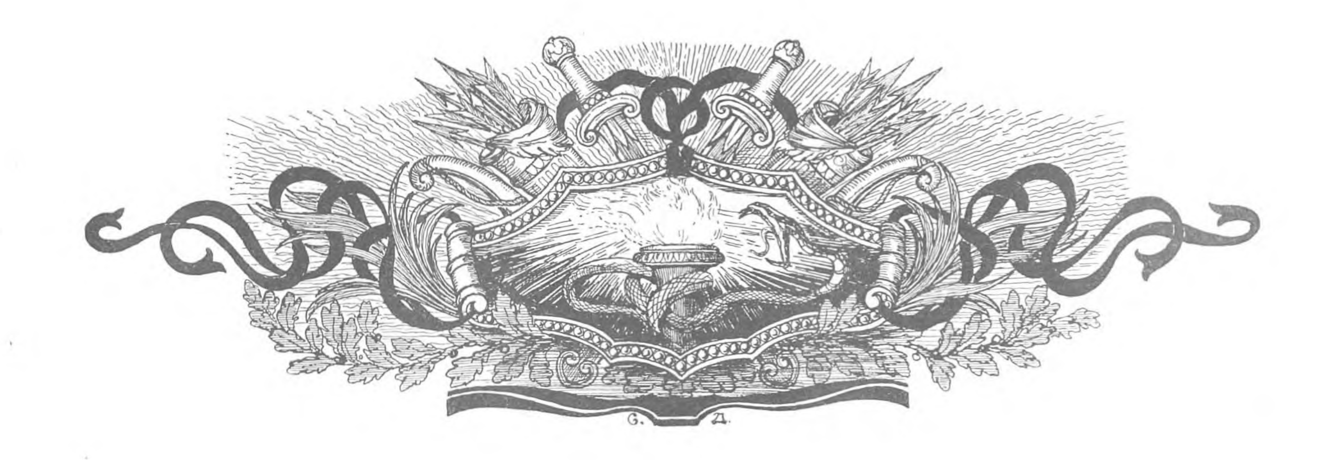
Постройка миннаго истребителя.

Внутреннiй видъ англiйской подводной лодки.

Часть подводной лодки, гдѣ находятся торпеды.

Очерки Великой Войны.

Статья генералъ-майора П. Д. Бурскаго.

Въ текущемъ году державы согласія достигли той боевой мощи, которая можетъ служить вѣрнымъ залогомъ успѣха въ безпримѣрной въ исторіи народовъ борьбѣ съ сильнымъ противникомъ.

Прошлый, 1916 годъ, по справедливости, можно назвать годомъ перелома событій міровой войны въ пользу державъ согласія.

Колоссальная работа, выполненная нами и нашими союзниками въ дѣлѣ подготовки къ дальнѣйшей борьбѣ, породила въ станѣ враговъ нашихъ нервное стремленіе къ скорѣйшему заключенію мира, но всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи разбились, какъ извѣстно, о безповоротное рѣшеніе державъ согласія вести борьбу до сокрушенія того „бронированнаго кулака“, который созданъ Германіей въ цѣляхъ достиженія гегемоніи надъ всѣмъ міромъ.

Итакъ, минувшій годъ былъ посвященъ державами согласія не широкимъ стратегическимъ операціямъ, а упорной подготовкѣ къ дальнѣйшимъ грознымъ событіямъ войны, къ достиженію не только равновѣсія въ техническихъ средствахъ борьбы, но и превосходства ихъ надъ противникомъ, а также постепенному экономическому истощенію германской коалиціи путемъ морской блокады, прекратившей связь Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи съ главнѣйшими источниками ихъ питанія, изъ коихъ самыми важнымй для нихъ въ періодъ войны являлись республики Новаго Свѣта.

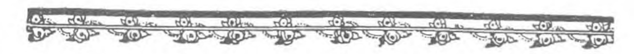
Продуктивность работы тыловыхъ „аппаратовъ“, сконструированныхъ державами согласія, проявила себя не только въ аннулированіи широкихъ наступательныхъ операцій противника, но и въ томъ, что дала возможность арміямъ согласія диктовать свою волю противнику, т. е. переходить къ активнымъ дѣйствіямъ тамъ, гдѣ, по условіямъ военной обстановки, необходимо создать себѣ болѣе выгодное тактическое или стратегическое положеніе.

Послѣдней широкой наступательной операціей нашихъ противниковъ была „румынская“, но, какъ извѣстно, въ январѣ текущаго года дальнѣйшему развитію ея былъ положенъ предѣлъ, и армія фельдмаршала Макензена, отказавшись отъ авантюристическаго плана вторженія въ предѣлы нашей Бессарабіи, не достигла даже оборонительной линіи р. Серета на верхнемъ и среднемъ ея теченіяхъ.

Перерывъ въ активныхъ дѣйствіяхъ на румынскомъ театрѣ далъ возможность молодой и недостаточно испытанной въ продолжительной войнѣ румынской арміи выиграть время для реорганизаціи своихъ силъ подъ надежнымъ прикрытіемъ нашей арміи, занявшей боевое расположеніе въ предѣлахъ Румыніи.

Занявъ территорію Малой и Большой Валахіи и продвинувшись въ Добруджѣ вплоть до нижняго теченія Дуная, противникъ разрѣшилъ, конечно, задачу по обезпеченію Болгаріи и оккупированной имъ территоріи Сербіи отъ дѣйствій со стороны русско-румынскихъ войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрылъ звено того желѣзнодорожнаго пути, который соединяетъ Берлинъ съ Константинополемъ.

На эту операцію противника въ предѣлахъ Румыніи мы должны смотрѣть какъ на одну изъ самыхъ серьезнѣйшихъ, учитывая важное значеніе румынскаго театра съ точки зрѣнія устойчивости лѣваго фланга всего нашего обширнаго стратегическаго фронта, развернувшагося на 1600 верстъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря.

Обстановка, сложившаяся на нашемъ фронтѣ въ теченіе 1916 года, говоритъ о томъ, что позиціонная война, созданная по иниціативѣ нашихъ противниковъ, не можетъ считаться постоянной, и если въ теченіе зимняго періода времени боевыя дѣйствія активнаго характера сковывались атмосферическими явленіями природы, то съ приближеніемъ весны можно ожидать начала перехода къ наступательнымъ операціямъ той или другой стороны.

Въ промежутокъ времени отъ декабря до конца февраля на фронтѣ нашего театра войны была отмѣчена лишь одна операція, которая обѣщала получить широкое развитіе, но прекращена была, съ одной стороны, начавшейся зимней непогодой, а съ другой—противодѣйствіемъ обороняющагося, усилившаго свой участокъ фронта вновь прибывшими частями.

Эта операція началась въ концѣ декабря на участкѣ нашихъ рижскихъ позицій переходомъ въ неожиданное для германцевъ наступленіе частей арміи генерала Радко-Дмитріева въ районахъ Тирульскаго болота и озера Бабитъ, въ общемъ операціонномъ направленіи на Митаву.

Прорвавъ германское расположеніе на фронтѣ въ 12 верстъ, наши войска проникли въ глубь непріятельскаго расположенія на 8 верстъ и захватили болѣе 1000 чел. въ плѣнъ, 47 орудій тяжелой и легкой артиллеріи, 300 пулеметовъ и большое количество военной добычи.

Надобно замѣтить, что ударъ нанесенъ былъ противнику тогда, когда онъ интенсивно развивалъ свои боевыя дѣйствія въ предѣлахъ Молдавіи, стараясь во что бы то ни стало выбраться изъ горнаго района Молдавскихъ Карпатъ, не останавливаясь надъ вопросомъ усиленія своихъ войскъ, дѣйствовавшихъ тамъ, за счетъ силъ, находящихся на пассивныхъ участкахъ боевого расположенія на нашемъ фронтѣ.

Такимъ образомъ, наступательная операція частей арміи генерала Радко-Дмитріева имѣла въ своемъ основаніи и демонстративныя цѣли, такъ какъ лѣвый флангъ стратегическаго фронта противника, прикрывающій кратчайшія операціонныя направленія на Восточную Пруссію и въ тыловые районы лѣваго крыла германской арміи, пріобрѣлъ въ общемъ расположеніи ея чрезвычайно важное стратегическое значеніе.

Дѣйствительно, съ переходомъ нашихъ частей въ наступленіе на участкѣ рижскихъ позицій нажимъ непріятельской арміи въ направленіи на р. Серетъ замѣтно ослабъ, а для противодѣйствія дальнѣйшему движенію нашихъ войскъ къ Митавѣ германцы спѣшно сосредоточили на шлокъ-митавскомъ участкѣ свѣжія силы, взявъ ихъ съ линій фронта, ближайшихъ къ району нашего прорыва и притянувъ одну дивизію изъ резерва, предназначенную, между прочимъ, для отправки на западный театръ войны.

Насколько германцы придавали серьезное значеніе переходу частей нашей арміи къ активнымъ дѣйствіямъ на участкѣ рижскихъ позицій, можно судить по тому факту, что для руководства надъ дѣйствіями арміи генерала Белова прибылъ не только самъ главнокомандующій арміями фронта принцъ Леопольдъ Баварскій, но и главнокомандующій надъ всѣми арміями германской коалиціи фельдмаршалъ Гинденбургъ.

Начавъ 10 января обстрѣлъ нашихъ новыхъ позицій огнемъ тяжелой и легкой артиллеріи, нѣмцы перешли въ рѣшительное наступленіе, пуская въ дѣло всѣ наличныя части, не исключая и тѣхъ, кои прибывали изъ дальнихъ районовъ, совершивъ трудные переходы по снѣжнымъ дорогамъ.

Этотъ бой закончился къ вечеру въ нашу пользу. Всѣ атаки противника были отбиты.

Въ послѣдующіе дни, расходуя огромное количество снарядовъ съ удушливыми газами, противникъ расширилъ сферу своего наступленія къ сѣверу и повелъ „яростныя" атаки въ районахъ Шмардена, Калнцема, болота Тируль и озера Бабитъ, задавшись цѣлью вернуть утраченныя позиціи цѣною хотя бы огромныхъ жертвъ.

15 января разразился ожесточенный бой и, благодаря ураганному огню непріятельской артиллеріи, наши войска, отбиваясь отъ насѣдавшаго противника энергичными контръ-атаками, принуждены были отойти нѣсколько назадъ въ центрѣ своего расположенія, т.-е. въ районѣ Калнцема. Но зато къ сѣверу отъ послѣдняго одна изъ германскихъ дивизій, только что прибывшая на фронтъ и воодушевленная самимъ принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ, черезъ короткій промежутокъ времени оставила послѣ себя лишь груды труповъ, будучи разстрѣляна перекрестнымъ огнемъ нашей артиллеріи и пулеметовъ.

Продолжая свой упорный нажимъ вдоль шоссе Калнцемъ-Шлокъ, германцы повели 16 января свое наступленіе весьма значительными силами, но въ моментъ перехода въ атаку были встрѣчены нашимъ заградительнымъ огнемъ и контръ-атаками и послѣ кровопролитнаго боя удержались лишь на небольшомъ участкѣ нашихъ окоповъ, примыкающихъ съ восточной стороны къ калнцемскому шоссе.

Атаки германцевъ, истощенныхъ огромными и безплодными жертвами, къ вечеру прекратились.

На слѣдующій день, 17 января, противникъ продолжалъ поддерживать напряженный артиллерійскій огонь, а 18 января

наши, перейдя въ наступленіе, выбили нѣмцевъ изъ окоповъ, что къ востоку отъ калнцемскаго шоссе.

На правомъ флангѣ рижскихъ позицій, въ районѣ Шмардена и юго-восточной части Тирульскаго болота, наступленіе германцевъ также было остановлено.

Въ послѣдующіе дни нѣмцы не возобновляли попытокъ къ широкому наступленію, но зато артиллерійскій огонь поддерживался ими не только на участкахъ рижскихъ позицій, но и восточнѣе ихъ.

Такимъ образомъ, активная операція частей арміи генерала Ратко-Дмитріева, если и не получила своего дальнѣйшаго развитія, то, кромѣ демонстративной цѣли, обнаружила слабость германскаго расположенія, гдѣ недостатокъ живой силы компенсируется техникой вооруженія, а для противодѣйствія нашему наступленію нѣмцы вынуждены были спѣшно перебросить свои силы съ другихъ участковъ фронта, т.-е. создавать временные узлы сопротивленія тамъ, гдѣ это вызывалось сложившейся обстановкой.

Конечно, съ переходомъ въ общее наступленіе нашихъ армій по линіи всего стратегическаго фронта созданіе узловъ сопротивленія за счетъ тѣхъ или другихъ участковъ будетъ для противника задачей неразрѣшимой.

Вотъ почему фельдмаршалъ Гинденбургъ напрягаетъ усилія къ созданію общаго для всѣхъ театровъ войны стратегическаго резерва, составъ котораго къ 1 января текущаго года исчислялся въ 25 дивизій.

На другихъ участкахъ нашего обширнаго фронта крупныхъ активныхъ операцій не производилось и наступательныя дѣйствія, предпринимаемыя какъ нами, такъ и нашимъ противникомъ, не выходили изъ рамокъ узкаго тактическаго значенія.

Ночь въ окопѣ.

Зато на западномъ театрѣ войны произошли весьма серьезныя перемѣны въ военной обстановкѣ, заставившія германское командованіе отказаться отъ обороны всего центральнаго участка своихъ позицій, обращенныхъ выпуклою стороною въ направленіяхъ на Амьенъ и Парижъ.

Продолжая медленное, но методическое наступленіе на участкахъ р. Соммы, начатое еще 18 іюня прошлаго года, наши союзники достигли того, что тактическій успѣхъ, завершившійся захватомъ сильно укрѣпленныхъ германскихъ позицій въ районахъ рр. Анкра и Соммы обратился въ стратегическій, такъ какъ прорывъ непріятельскаго расположенія на фронтѣ отъ района Бапома до Шона создалъ угрозу всѣмъ коммуникаціоннымъ линіямъ праваго крыла арміи принца Рупрехта Баварскаго, дѣйствующей между р. Соммой и Аргоннами.

Англійская армія, руководимая фельдмаршаломъ Дугласъ-Хэгомъ, достигнувъ перевѣса въ силѣ и разрушительномъ дѣйствіи артиллерійскаго огня надъ германцами, обладая, вдобавокъ и превосходствомъ въ численномъ составѣ войскъ, очистила районы р. Анкра отъ непріятеля и завершила свои энергичныя дѣйствія взятіемъ Бапома, а затѣмъ Перонна и Шона, т. е. тѣхъ главнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ обороны, на которыхъ покоилась устойчивость расположенія лѣваго фланга арміи принца Альбрехта Вюртембергскаго и праваго фланга арміи принца Рупрехта Баварскаго.

Результатомъ планомѣрныхъ дѣйствій англійской арміи былъ толчокъ къ общему отступленію частей принца Рупрехта на участкѣ между р. р. Соммой и Энъ въ направленіяхъ на Сенъ-Кентенъ и Лаонъ.

Французы, воспользовавшись невыгодной для противника обстановкой, перешли въ наступленіе и въ теченіе нѣсколькихъ дней достигли поразительныхъ успѣховъ.

Германцы, поспѣшно отступая, очистили свои перволинейныя позиціи и, сжигая населенные пункты, отравляя источники питьевой воды и сокрушая оставленные позади себя пути сообщенія, двигаются безостановочно въ направленіи къ бельгійской границѣ подъ прикрытіемъ сильныхъ арьергардовъ.

Къ концу февраля на англійскомъ участкѣ фронта преслѣдованіе противника велось восточнѣе линіи Канизи-Эстревъ-Шоссе-Нурлю-Велю-Сенъ-Леже-Бапомъ-Пероннъ-Шонъ, а на французскомъ участкѣ, къ сѣверу отъ Соммы, французская кавалерія, преслѣдуя германцевъ, подошла къ Сенъ-Кентену; пѣхота же перешла Сенъ-кентенскій каналъ, заняла Терньe и придвинулась въ районахъ къ сѣверу и востоку отъ Суассона.

Такимъ образомъ, на западномъ театрѣ войны отступленіе германцевъ — совершившійся фактъ и, судя по предыдущимъ планамъ германскаго генеральнаго штаба, когда во главѣ его стоялъ генералъ Фалькенгайнъ, нѣмцы, по всей вѣроятности, приступили къ осуществленію идеи сокращенія своего фронта и тяготѣютъ къ той линіи, намѣченной Фалькенгайномъ, которая тянется отъ Анвера (въ Бельгіи) черезъ Намюръ и далѣе вдоль р. Мааса до Вердена.

Разсматривая боевыя дѣйствія на второстепенныхъ европейскихъ театрахъ войны, мы видимъ, что за промежутокъ времени отъ декабря прошлаго года до февраля 1917 г. ни на итальянскомъ, ни на южно-балканскомъ существенныхъ перемѣнъ стратегическаго значенія не произошло и боевыя столкновенія ограничивались рамками исключительно тактическаго характера.

На азіатскихъ театрахъ войны произошли событія первостепенной важности, которыя, несомнѣнно, найдутъ отраженіе на тѣхъ европейскихъ фронтахъ, гдѣ дѣйствуютъ турецкія войска, т. е. на главномъ восточномъ и южно-балканскомъ театрахъ.

Операція британской арміи генерала Мода въ Месопотаміи завершилась блестящимъ успѣхомъ, несмотря на всю трудность веденія ея въ условіяхъ отдѣльной экспедиціи, вдали отъ главной базы.

Наступая вдоль р. Тигра къ Кутъ-Эль-Амара, генералъ Модъ нанесъ рѣшительный ударъ турецкой арміи Халилъ-паши на позиціяхъ, прикрывавшихъ доступъ къ вышеуказанному пункту, и овладѣлъ всѣми подступами къ нему.

Занявъ 12 февраля Кутъ-Эль-Амару, британскія войска приступили къ безостановочному преслѣдованію разбитыхъ остатковъ турецкой арміи, потери которой убитыми, ранеными и плѣнными достигали 27.000 человѣкъ, и 26 февраля взяли главный центръ Месопотаміи и восточной Аравіи — г. Багдадъ.

Дальнѣйшее наступленіе частей арміи генерала Мода ведется въ направленіяхъ на Самарру, лежащую на прямомъ пути въ Мосулъ (въ древности Ниневія) и на Бакубу, лежащую на пути изъ персидскаго Керманшаха въ Багдадъ.

Послѣ паденія Кутъ-Эль Амары, когда ясно обнаружилась угроза Багдаду со стороны британской арміи генерала Мода, нашъ экспедиціонный корпусъ генерала Баратова перешелъ въ наступленіе сначала на правомъ флангѣ своего расположенія, въ биджарскомъ направленіи, а затѣмъ и въ центрѣ противъ Хамадана.

Овладѣвъ 17 февраля укрѣпленной хамаданской позиціей, наши войска, преслѣдуя отступающій центръ отряда Али-Исханъ-бея, сбили турокъ 20 февраля съ позицій у Асадъ-Абада и, наступая дальше, овладѣли 21 февраля Кянгаверомъ, 22 февраля — Сахне, а послѣ боя съ турецкимъ арьергардомъ 23 февраля у Бисутуна открыли себѣ путь къ Керманшаху, служившему главнымъ складомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ отряда Али-Исханъ-бея.

Взявъ 26 февраля Керманшахъ, наши продолжали преслѣдованіе турецкихъ силъ въ направленіи на Ханекенъ.

Лѣвый флангъ турецкаго отряда, потерявъ свои позиціи у Сенне, двинулся по направленію къ Керманшаху, но, будучи встрѣченъ нашимъ отдѣльнымъ отрядомъ, высланнымъ на перерѣзъ, принужденъ былъ въ районѣ Кала-Кеміярина свернуть на западъ и искать спасенія въ горахъ Курдистана.

Правый флангъ отряда Али-Исханъ-бея, занимавшій позиціи въ районахъ Довлетъ-Абада и Буруджира, задержался въ своемъ отступленіи и, потерявъ возможность выйти на Хамаданъ-керманшахскую дорогу, разсѣялся, надо полагать, по кочевымъ районамъ Луристана.

На нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ конница, преслѣдуя противника въ саккызкомъ направленіи, перешла турецко-персидскую границу, двигаясь, такимъ образомъ, на перерѣзъ всему отряду Али-Исханъ-бея, пытающагося выйти на пути къ Мосулу.

Принимая во вниманіе движеніе англійскихъ частей арміи генерала Мода въ бакубскомъ направленіи и глубокій обходъ нашей конницы со стороны Саккыза, можно заключить, что положено уже начало стратегическому окруженію отряда Али-Исханъ-бея.

На сирійскомъ фронтѣ послѣ взятія г. Рафа британскія войска вступили въ Палестину.

Генералъ маіоръ [illegible]

Перемена позицій артиллеріей подъ огнемъ непріятеля.

6

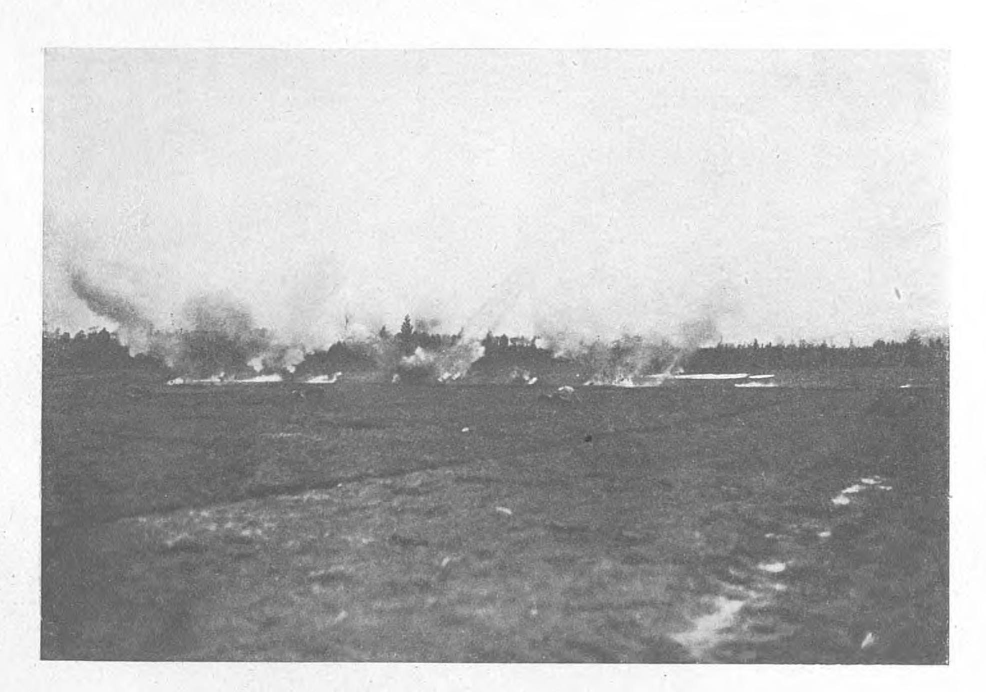
„Великая Война въ образахъ и картинахъ".
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА. Москва.

На Русскомъ фронтѣ.

Допросъ плѣнныхъ германцевъ.

Артиллерійскій обстрѣлъ.

Итальянскій сторожевой постъ на границѣ.

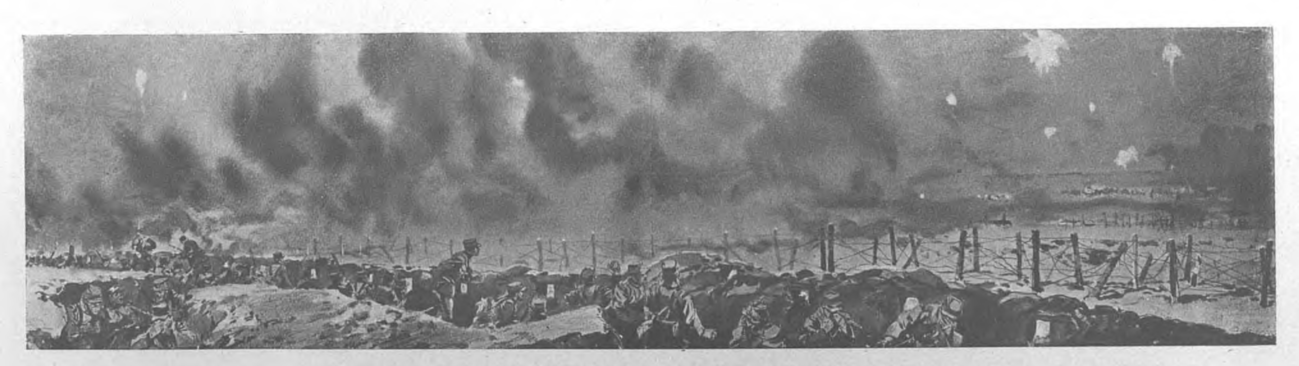

Итальянскія дороги въ Альпахъ.

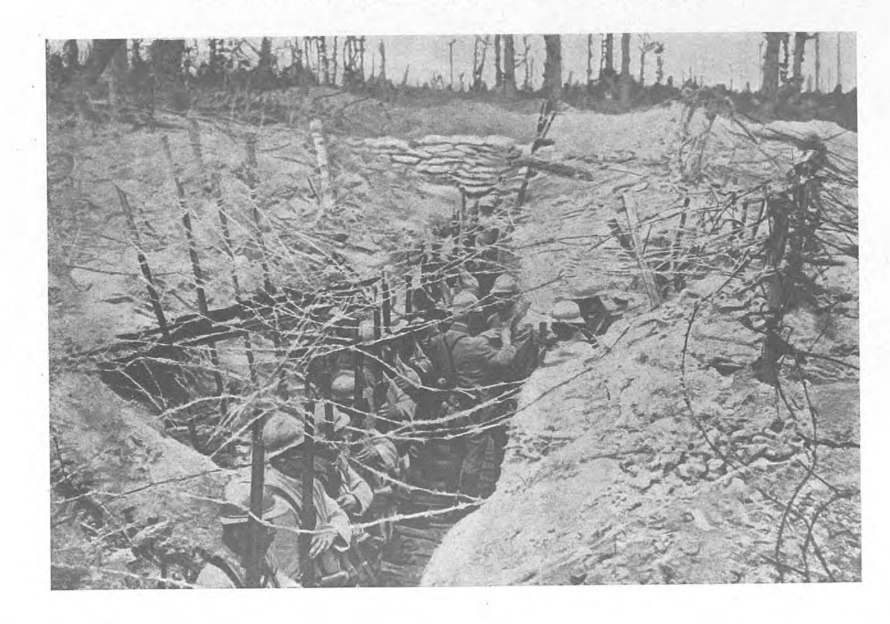
На фронтѣ союзниковъ.

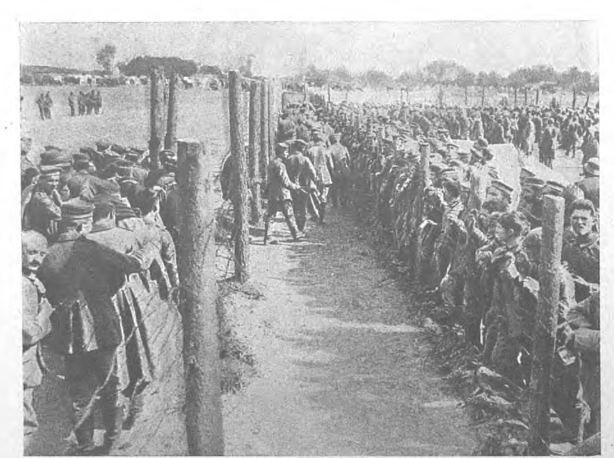
Дѣйствія удушливыхъ газовъ.

Приближеніе къ траншеямъ удушливыхъ газовъ.

Раздача наградъ въ траншеѣ.

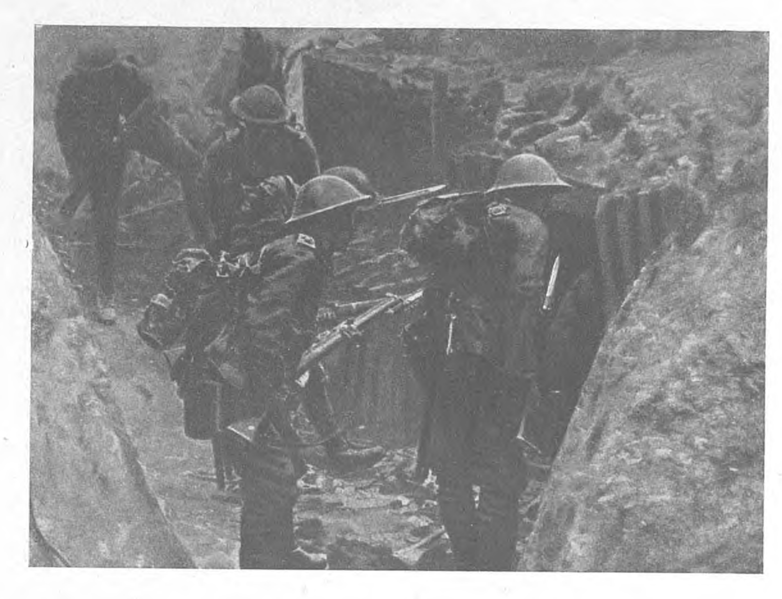

Подсчетъ плѣнныхъ германцевъ.

Германскіе плѣнные послѣ подсчета.

На Англо-французскомъ фронтѣ.

Вылѣзай, нѣмецъ!

Подвигъ шотландскихъ музыкантовъ.

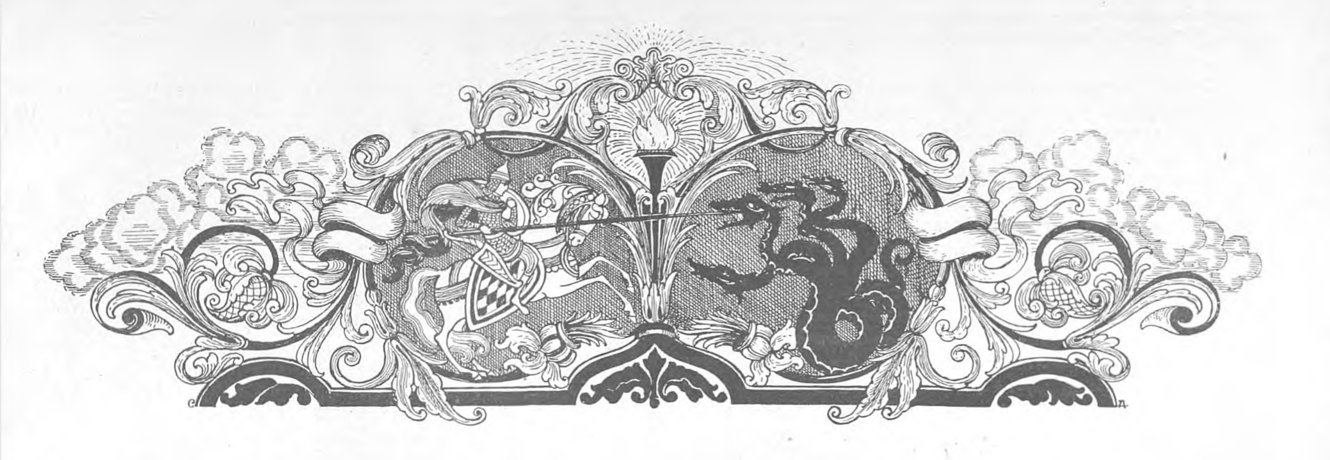
Пощадите!

Истребитель во время сторожевой службы.

„Великая Война въ образахъ и картинахъ".
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Россія, Германія и Европа.

Посмертная статья В. Ф. Эрна.

I.

Диву даешься, когда видишь, съ какой медленностью просачиваются въ общее сознаніе идеи первостепенной практической и теоретической важности. Идетъ третій годъ небывалой войны,—войны передъ которой ничто цѣлыя столѣтія прежнихъ войнъ; на дѣлѣ, въ жизни, въ исторіи происходятъ огромныя сдвиги, и на глазахъ всѣхъ свершаются катастрофы такихъ размѣровъ, которыя незнакомы ни древнему ни новому человѣчеству; а въ сознаніи все продолжаетъ царить необычайная устойчивость, упругость, „твердокаменность". Если брать событія не въ ихъ ужасающе-яркой дѣйствительности, молніей вспыхивающей и громомъ гремящей, а въ ихъ отраженіи въ человѣческихъ душахъ, въ томъ, какъ событія эти „переживаются" и „сознаются" тѣми, кого они непосредственно и „физически" не касаются — то невольно изумляешься чудовищной несоразмѣрности между историческою реальностью и людскимъ ея „представленіемъ", несоразмѣрности, которая наглядно свидѣтельствуетъ противъ тѣхъ софистическихъ теорій, по которымъ дѣйствительность „складывается" изъ нашихъ представленій и на нихъ безъ остатка можетъ быть разложена.

Въ началѣ войны, когда по Россіи мощною волною прошелъ высокій подъемъ настроенія, уровень пониманія какъ будто внезапно повысился, и многіе, отбросивъ свои теоріи и застарѣлыя точки зрѣнія, какъ-то „открыто" посмотрѣли въ глаза дѣйствительности. Но подъемъ прошелъ, война, все возрастая въ своей ожесточенности, пошла своими неумолимыми путями, сознаніе все больше и больше стало отставать отъ „событій", и вотъ въ настоящее время, когда міръ весь корчится въ судорогахъ небывалыхъ напряженій и небывалыхъ потрясеній, мы можемъ наблюдать изумительную картину возврата къ старымъ точкамъ зрѣнія, казалось бы навсегда отмѣненнымъ войною и — какое-то невѣроятное „успокоеніе" въ сознаніи большихъ массъ „просвѣщенныхъ" людей, несомнѣнно свидѣтельствующее о глубокой духовной пассивности, инертности тѣхъ, кто притязаетъ быть „разумомъ" народа и органомъ его просвѣщеннаго „разумѣнія".

Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что типъ „успокоенца" мало распространенъ. Нѣтъ, распространенность его огромная и что всего важнѣе и страшнѣе — „успокоенство" есть нѣкій общій психологическій складъ, и если въ чистомъ видѣ встрѣчается сравнительно рѣдко, — то въ смѣшанномъ видѣ, можно сказать, есть одна изъ господствующихъ чертъ въ эмпирическомъ характерѣ русскаго человѣка. Все отношеніе наше къ войнѣ „прослоено" успокоенствомъ и если война развивается не такъ, какъ могла бы, если мы движемся слишкомъ медленно къ той побѣдѣ, которую пожелала въ самой глубинѣ наша народная воля,— то вина, прежде всего, лежитъ въ исконномъ „успокоенствѣ" русскаго человѣка: и поистинѣ, зрѣлище, полное величайшей и горестной ироніи развертывается передъ нами, когда мы слышимъ, какъ раздраженные медлительностью исторіи, больше всего волнуются и „ажитируютъ" именно успокоенцы, не подозрѣвая, что большая медлительность исторіи необходимо получается въ результатѣ безчисленныхъ маленькихъ обывательскихъ „умываній рукъ", и уклончивыхъ единичныхъ неучастій въ происходящемъ.

Событія летятъ надъ нами и рвутся какъ „чемоданы". Въ грунтѣ твердомъ и упругомъ они производятъ колоссальное дѣйствіе: „взрываютъ" сознаніе, вспахиваютъ душевную цѣлину, будятъ самыя глубины духа. И въ грунтѣ твердомъ запечатлѣваются въ геометрически-четкихъ линіяхъ, сохраняясь въ памяти какъ нетлѣнный результатъ внутренняго опыта, забвеніе коего равно преступленію и духовному самоубійству. Въ болотистой же почвѣ „успокоенства" „чемоданъ" событій только мгновеніе: просвиститъ, ухнетъ, разорвется, зашипитъ, подыметъ столбъ липкой грязи,—и черезъ минуту ничего уже нѣтъ. Событіе безвозвратно проглочено болотомъ, зыбкая почва надъ нимъ „затянулась", приняла прежнюю форму тусклой „плоскости". И еще запахъ дыма носится надъ болотомъ, а событіе уже похоронено, забыто, быльемъ поросло, „украдено чортомъ".

II.

Война обличила двѣ вещи и съ полной очевидностью подчеркнула двѣ истины, для проницательныхъ людей бывшихъ отчасти ясными и до войны: 1) что послѣднія два столѣтія мы находились въ уродливыхъ отношеніяхъ съ Европою, 2) что Германія есть внутренняя болѣзнь самой Европы, и такъ какъ Европа занимаетъ центральное мѣсто въ современномъ цивилизованномъ человѣчествѣ, то Германія есть внутренняя болѣзнь всего человѣчества.

Что касается первой истины, то она пока сознается нами въ весьма элементарномъ видѣ. Когда разразилась война и закрылись русско-нѣмецкая и русско-австрійская границы — мы вдругъ „увидѣли", что все наше общеніе съ Европой либо исчерпывается центральными державами, либо ведется черезъ Германію, при ея комиссіонерской помощи и подъ ея непрерывнымъ контролемъ. Мы увидѣли, что у насъ нѣтъ даже прямыхъ путей въ Европу, что снестись съ Европою и пріѣхать въ Европу, съ тѣмъ чтобы вывезти наше сырье и хлѣбъ и привезти оттуда нужные намъ товары — мы не въ состояніи, что у насъ нѣтъ ни сѣверныхъ портовъ ни южныхъ, соединяющихъ насъ съ Европою въ масштабахъ, отвѣчающихъ грандіозности Россіи, что мы не имѣемъ даже прямого желѣзнодорожнаго пути черезъ Балканы къ Адріатикѣ.

Величайшая ошибка Петра Великаго заключалась въ томъ, что, прорубая окно въ нѣмецкія страны и тѣсно связывая судьбу Россіи на два вѣка съ германской культурой, онъ думалъ, что связываетъ насъ съ Европою и культурою европейскою. Пока Германія была культурно - слаба и сама находилась подъ вліяніемъ французовъ (XVIII вѣкъ) — она доносила до насъ волны французской культуры,—и если у насъ въ XVIII вѣкѣ увлекались французскимъ просвѣщеніемъ, то это происходило оттого что „самъ" Фридрихъ Великій еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ писать по нѣмецки и былъ „плѣненъ" французскою литературою. Но уже съ Петра Великаго былъ заложенъ одинъ изъ главныхъ устоевъ длительнаго и все возраставшаго порабощенія Россіи германскимъ вліяніемъ. Это привитіе къ старой русской власти нѣмецкаго бюрократическаго механизма. Въ XVIII вѣкѣ русское общество говорило по-французски, но управлялось по-нѣмецки и всѣ навыки власти, вся система государственнаго управленія, имѣющая столь огромное воспитательное и духовное значеніе для совокупной жизни народа, все перестало быть русскимъ, вовсе не ставъ европейскимъ, и вотъ эта самая „серединная" форма сказалась поистинѣ пророческимъ культурнымъ образованіемъ — морфологически опредѣлившемъ очень многое въ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ.

Въ концѣ XVIII столѣтія, когда, переживая огромный расцвѣтъ собственной своей культуры, Германія освободилась отъ французскихъ и другихъ европейскихъ вліяній, и, утверждаясь въ своемъ чисто-нѣмецкимъ естествѣ, стала сознавать себя единственной и высшей выразительницей духа времени какъ бы средоточіемъ духовной жизни вселенной (Фихте) и даже самосознаніемъ самого Господа Бога (Гегель), мы, русскіе, съ необычайной готовностью повѣрили многочисленнымъ свидѣтельствамъ Германіи о самой себѣ и на многія десятилѣтія какимъ то существеннымъ образомъ привили просвѣщенному русскому уму особую форму мечтательной облачности, которая съ виду казалась чрезвычайно невинной, почти голубого цвѣта, а на дѣлѣ фатально заражала русскій умъ „идеалистическимъ" маревомъ, до сихъ поръ неизжитымъ.

Прививка нѣмецкой облачности могла бы ограничиться одной сферой литературы и высшаго философскаго самосознанія т. е. какъ всякое культурное вліяніе могло бы быть пережито даже съ пользою, если бъ только было пережито правильно, съ внутреннею мѣрою. Къ сожалѣнію, эта прививка свершилась въ „Николаевскую эпоху" — когда нѣмецкія формы государственнаго управленія, взращенныя Петромъ Великимъ, прочно укрѣпились въ русской жизни. На фонѣ нѣмецкаго бюрократизма, впившагося въ русское народное тѣло и овладѣвшаго ея политическимъ обликомъ, идеалистическіе восторги нашихъ западниковъ, порабощавшіе просвѣщенную часть русскаго общества тѣмъ же самымъ принципомъ германизма, которымъ была отравлена и власть,—но только въ метафизической области — эти восторги передъ лицомъ исторіи оказались не столь невинными и безотвѣтственными, какъ казались до сихъ поръ. Просвѣщенный разумъ народа (его „интеллигенція") такъ же, какъ и старая власть, оказались пронизанными германской стихіей и порабощенными германскимъ духомъ. Эта двойная прививка герма-

низма уже таила въ себѣ величайшую опасность и для тѣхъ, кто имѣлъ глаза на мѣстѣ, была мучительнымъ предзнаменованіемъ. Славянофилы были тѣми чуткими людьми, которые духовно заболѣли ненормальностью исторически создавшагося положенія, и первые вслухъ возстали и противъ „Петербургскаго періода“ и противъ „Гегеля“.

Но приблизительно въ это самое время Германія, пройдя идеалистическую стадію своей культуры и кончивъ закрывать все христіанское Небо мечтательной облачностью своего метафизическаго „имманентизма“, обратила свои взоры къ Землѣ и съ той же методичностью, съ какой овладѣвала до сихъ поръ Небомъ, устремилась на овладѣніе Землей, сначала землею своею высокоидеалистическаго отечества, а затѣмъ Землею и всѣхъ другихъ народовъ. Тутъ произошла необычайная историческая метаморфоза. Идеалисты превратились въ какія нибудь десятилѣтія въ отъявленныхъ „реалистовъ“. Поклонники отвлеченнаго и блѣднаго „разума“ — въ поклонниковъ конкретной и мощной „воли“. „Безгосударственники“, цѣлыя столѣтія неумѣвшіе сколотить приличнаго политическаго существованія — „объединились“, создали прочную государственность и, напившись французской крови, заложили основы Германской Имперіи. Одновременно съ этимъ германскій духъ набрасывается на науки, естественныя, историческія и филологическія и, чувствуя въ нихъ мощное и совершенно необходимое орудіе въ большихъ масштабахъ борьбы за всю землю, дѣлаетъ величайшія напряженія, чтобы пріобрѣсти если не качественное, то хоть количественное первенство въ научной жизни эпохи. При такомъ общемъ устремленіи—техника естественно становится постепенно фокусомъ всѣхъ помышленій Германіи, центромъ ея особеннаго „метафизическаго“ вниманія и развивается съ головокружительной быстротой, въ нѣсколько десятилѣтій догоняя и обгоняя первенствовавшія до тѣхъ поръ въ техникѣ Францію, Англію и Америку.

Начало бомбардировки города.

8.

Этотъ новый феноменалистическій расцвѣтъ германской культуры въ отличіе отъ перваго, заинтересованъ не столько качествомъ, сколько количествомъ и опредѣленно подчиненъ принципу „массы“. Если первый фазисъ самоопредѣленія германскаго духа, нашелъ у насъ поклонниковъ въ отдѣльныхъ выдающихся умахъ, потому что по существу былъ обращенъ къ высшей области духа, то эта вторая, „коллективистическая“ и „муравейная“ стадія германскаго культурнаго самоопредѣленія, естественно разлилась въ Россіи, подготовленной двумя предыдущими, „основоположительными“ прививками, какимъ-то потопомъ и очень быстро проникла во всѣ норы и щели нашего существованія, и настолько въѣлась въ народную жизнь, настолько подошла къ самымъ корнямъ ея, угрожая окончательной смертью, что передъ войною уже нечѣмъ стало дышать. Все становилось нѣмецкимъ: товары, земли, идеи, промышленность, международная и экономическая политика, оріентація въ мірѣ. Русская самобытность, русская геніальность, окруженная со всѣхъ сторонъ идейнымъ и неидейнымъ германофильствомъ, попала у себя на родинѣ въ положеніе осажденной крѣпости и съ величайшимъ трудомъ пролагала себѣ путь даже тогда, когда она была самымъ сверкающимъ явленіемъ Божьяго дара во всей современности. Тутъ уже почти были сброшены маски, и торжествующій у насъ нѣмецъ пересталъ говорить о Европѣ и отъ имени Европы. Прочно отстранивъ Европу отъ Россіи и Россію отъ Европы, онъ пересталъ скрывать свое превозношеніе надъ всѣмъ міромъ и свое хвастливое самосознаніе единственнаго и истиннаго представителя единой истинной нѣмецкой культуры.

Всю русскую жизнь покрыла погребальная тѣнь торжествующаго германизма и уже это одно говорило о надвигающейся катастрофѣ: т.-е. либо о духовной (и тѣмъ самымъ исторической) гибели Россіи, либо о величайшемъ столкновеніи съ Германіей и съ германизмомъ.

III.

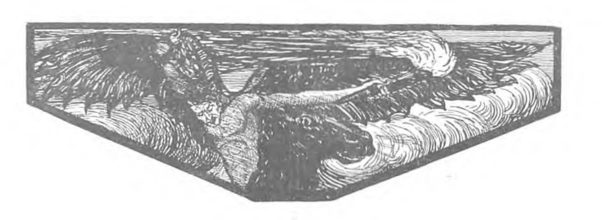
При такомъ положеніи вещей, вспыхнувшая война, съ самого начала осознавалась нами въ условіяхъ необычайнаго плѣненія русскаго ума и всей русской жизни германскими, точкими зрѣнія и сѣтью незамѣтныхъ германскихъ вліяній. Подобно тому какъ война внутренно расколола власть и обнаружила въ ней вѣковыя (съ Петра!) традиціи германизма, подобно этому внутренно надломленнымъ оказалось и русское общество, которое въ своей патріотической волѣ слилось со стихіей народною, вмѣстѣ съ нею желая настоящей и полной побѣды, а въ своемъ порабощенномь Германіей разумѣ, явилось внутреннимъ препятствіемъ къ одолѣнію германизма. У насъ всѣ великолѣпно знаютъ объ отравѣ старой государственной власти нѣмецкими „принципами", всѣ въ первый годъ войны испытали на себѣ роковую двойственность царскаго правительства. Но у насъ очень плохо видятъ другую едвали не болѣе страшную двойственность русскаго образованнаго общества, которое въ своихъ дѣятельныхъ и распорядительныхъ органахъ (напр., въ Земскомъ и Городскомъ союзѣ) въ согласіи съ народной волей патріотически борется противъ Германіи и которое въ своемъ „разумѣ" и въ своей „интеллигенціи" находится въ величайшемъ отрывѣ отъ народной стихіи и внутренно плѣнено многоличиннымъ духомъ германскаго самосознанія. Народная стихія въ этой безконечно отвѣтственной войнѣ мучительно задерживается въ своемъ историческомъ дѣйствіи поразительной несоразмѣрностью между глубиннымъ разумомъ народа, прикованнымъ къ вопросамъ Вѣчности и обращеннымъ къ непрерывному „исканію лица Божія" (Пс. 23, 6) и тѣмъ его „просвѣщеніемъ", которое обращено къ текучей, подвижной, внѣшней сторонѣ исторіи. Нашъ народъ, который во святыхъ своихъ имѣетъ блистательныя явленія высшаго разума, благодаря тому, что его интеллигенція плѣнена германскимъ духомъ, въ величайшей тяжбѣ народовъ, нынѣ происходящей, почти совершенно лишенъ того сложнаго и развитого аппарата мысли, который посредствуетъ между Плиромой (полнотой) Вѣчности и наполняющимся сосудомъ исторіи, между Градомъ Божьимъ и его воплощеніемъ на землѣ. Вся область посредствующаго разума, находящагося въ ркуахъ интеллигенціи,—въ моментъ столкновенія съ германизмомъ оказалась какъ бы украденной у народа русскаго. И русскій народъ отъ созерцанія горняго Іерусалима былъ прямо поставленъ передъ „пастью дракона". Всѣ знаютъ, что Сухомлиновъ оставилъ русскую армію безъ снарядовъ. Но никто не хочетъ знать, что русское образованное общество оставило русскій народъ безъ тѣхъ организованныхъ и связанныхъ съ глубиннымъ разумомъ народа творческихъ формъ мысли, которыя на внѣшней аренѣ исторіи играютъ роль умственной брони и вооруженія.

Наши историки знали все, кромѣ того, что дѣлалось въ исторіи и что надвигалось грозою на Россію; наши экономисты готовы были „экономизировать" греческую скульптуру и Евангеліе отъ Іоанна и не могли довести до свѣдѣнія народа объ его экономическомъ поглощеніи Германіей. Наши „техники" со страстью пропагандировали „идеалогію" техники, съ народной точки зрѣнія лживую и направленную противъ самого духа народнаго и были безконечно пассивны въ планѣ настоящаго техническаго дѣла, оставляя Россію въ полной технической зависимости отъ Германіи. Все наше образованное общество (кромѣ единицъ и исключеній—изъ коихъ самое блистательное—Достоевскій) по существу отказалисъ отъ посредствованія между исторіей и Вѣчностью.

При такомъ сложномъ и внутренно-трудномъ отношеніи нашемъ къ Германіи, война является для насъ одновременно возможностью освобожденія и страшнымъ судомъ за грѣхи прошлаго. Если мы по существу измѣнимъ свое отношеніе къ Германіи и къ германизму,— освободимся и заживемъ „полной" исторической жизнью. Если же не освободимся, будемъ осуждены, и русскому народу останутся „катакомбы"— странничество, „апокалипсисъ" т. е. одна жизнь гонимаго дракономъ духа безъ историческаго „тѣла".

Январь 1917 г.

Влад. Эрнъ

ДНЕВНИКЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Ноябрь — декабрь 1916 г. Январь — февраль 1917 г.

1-го ноября 1916.—Открытіе сессіи Государственной Думы.
2-го—Успѣхи сербскихъ войскъ на р. Черной.
3-го—Наши войска очистили отъ турокъ Козавскій и Джанелакскій районы.
4-го—Въ районѣ Якобенъ западнѣе Кимполунга наши войска заняли нѣсколько высотъ.
Настойчивое наступленіе противника на Ольтинскомъ и Джіульскомъ направленіяхъ.
5-го—Успѣхи англичанъ на р. Анкрѣ.
Бомбардировка французскимъ летчикомъ Мюнхена.
6-го—Занятіе войсками балканской арміи г. Монастыря.
8-го—Отступленіе румынъ въ долинѣ р. Жіу.
Кончина австрійскаго императора Франца Іосифа.
10-го—Отставка предсѣдателя совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ Б. В. Штюрмера.
12-го—Бои на Стоходѣ. Успѣхи нашихъ войскъ въ Добруджѣ.
13-го—Переправа германскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная у Зимницы.
15-го—Наступленіе противника въ западной Валахіи.
Союзныя войска на балканскомъ фронтѣ взяли высоту 1050.
17-го—Наступленіе нашихъ войскъ въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.
Наступленіе противника на румынскомъ фронтѣ.
18-го—Успѣхи нашихъ войскъ въ районѣ высотъ къ востоку отъ Кирлибабы.
21-го—Упорные бои подъ Бухарестомъ.
22-го—Нападеніе греческихъ войскъ на союзниковъ въ Аѳинахъ.
23-го—Занятіе нѣмцами Бухареста.
24-го—Успѣхи нашихъ войскъ въ Лѣсистыхъ Карпатахъ около Яблоницы.
Успѣхи сербовъ подъ Грудиште и Будимирцы.
26-го—Отступленіе румынскихъ войскъ въ Валахіи.
27-го—Наступленіе нашихъ войскъ по обоимъ берегамъ р. Чабонюша на румынскомъ фронтѣ.
28-го—Румынскія войска перешли въ наступленіе вдоль шоссе Бузеу—Плоешти.
29-го—Наступленіе нашихъ войскъ въ долинѣ Тротуша.
Нота Правительствъ Австро-Венгріи, Германіи, Турціи и Болгаріи о готовности приступить къ веденію мирныхъ переговоровъ.
30-го—Отходъ румынской арміи на фронтъ р. Бузеу—Саринга—Урзичени.
1-го декабря.—Успѣхи нашихъ войскъ въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.
Успѣхи французскихъ войскъ подъ Верденомъ: разбито 5 германскихъ дивизій, захвачено 7.500 плѣнныхъ, среди которыхъ 200 офицеровъ, и—большое число орудій.
3-го—Отходъ нашихъ и румынскихъ войскъ въ районѣ Бузеу и р. Яломницы.
5-го—Наступленіе нѣмцевъ въ Добруджѣ.
9-го—Выступленіе президента Вильсона съ мирнымъ предложеніемъ.
13-го—Занятіе Исакчи и Тульчи въ Добруджѣ нѣмецкими войсками.
15-го—Упорные бои въ районѣ р. Рымника.
16-го—Наступленіе противника на молдавской границѣ.
18-го—Отвѣтъ союзниковъ на мирныя предложенія Германіи.
19-го—Наступленіе нѣмцевъ въ Добруджѣ.
22-го—Оставленіе нашими войсками Браилова.
23-го—Занятіе нашими войсками г. Саккыза въ Персіи.
24-го—Наступленіе нашихъ войскъ на рижскомъ фронтѣ: захвачено 800 плѣнныхъ и 15 орудій.
Отходъ нашихъ войскъ за Дунай.
27-го—Налетъ непріятельскихъ летчиковъ на Луцкъ.
28-го—Переходъ нашихъ войскъ на позиціи по линіи р. р. Путны и Серета.
29-го—Успѣхи англичанъ въ Месопотаміи.
30-го—Бои у озера Бабита.
Переправа противника черезъ р. Путну, въ 60-ти верстахъ къ сѣверу отъ Фокшанъ.
1-го января 1917.—Налетъ непріятельскихъ летчиковъ на ст. Радзивилловъ.
3-го—Отставка военнаго министра Д. С. Шуваева.
Занятіе нашими войсками Буруджира на Султанъ-Абадскомъ направленіи.

5-го—Отсрочка созыва Гос. Думы и Гос. Совѣта.
7-го—Бои въ районѣ Зборова.
Бомбардировка англійскими летчиками Багдада.
8-го—Наступленіе противника на р. Серетѣ.
9-го—Новое мирное выступленіе президента Вильсона.
Успѣхи англійскихъ войскъ на берегахъ Тигра около Кутъ-эль-Амары.
12-го—Бои подъ Ригой.
Оживленный бой между англійскими и германскими миноносцами въ Сѣверномъ морѣ.
16-го – Упорные бои по сторонамъ шоссе изъ Калнцема въ Шлокъ.
Прибытіе въ Петроградъ делегатовъ союзныхъ державъ на конференцію.
18-го—Успѣхи англійскихъ войскъ въ Месопотаміи.
19-го—Объявленіе Германіей и Австріей безпощадной подводной войны.
21-го—Перерывъ дипломатическихъ сношеній между Америкой и Германіей.
26-го—Успѣхи англійскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Анкра.
1-го февраля. — Бомбардировка морскими аэропланами порта въ Брюгге.
4-го—Успѣхи англійскихъ войскъ на правомъ берегу р. Тигра.
8-го—Успѣхи нашихъ летчиковъ въ районѣ Сморгони.
10-го—Неудачное наступленіе противника въ районѣ Дорна-Ватры.
13-го—Занятіе англійскими войсками Кутъ-эль-Амары.
16-го—Успѣхи англичанъ на Анкрѣ.
17-го—Успѣшное наступленіе англійскихъ войскъ въ Месопотаміи.
18-го—Бои въ районѣ Якобени-Кимполунгъ.
19-го—Отступленіе нѣмцевъ на французскомъ фронтѣ.
20-го—Занятіе нашими войсками Кянгавера на хамаданскомъ направленіи.
22-го—Наступленіе нашихъ войскъ на турецкомъ фронтѣ.
26-го—Занятіе англійскими войсками Багдада.

Главный складъ изданія и пріемъ подписки: Издательство Д. Я. Маковскаго, Москва, Филипповскій пер., 11.